

ОБ ОТВЕТЕ А. А. ГОРЕЛОВА НА МОЮ РЕЦЕНЗИЮ¹

Вызывающий тон ответа я обсуждать не стану, а обращусь непосредственно к текстологии. В моей рецензии, вопреки А. А. Горелову, не обнаружилось ни одного неверного замечания. Но при изложении нескольких сотен справедливых замечаний есть девять случаев неточного их оформления². Это досадно, хотя нет худа без добра: если бы неточностей не нашлось совсем никаких, то у А. А. Горелова не было бы реального повода для написания статьи. А она, вопреки намерению автора, внушительно подтвердила его несостоятельность как редактора рецензированных мной книг и как руководителя работы над сводным изданием былин.

Смещение акцентов в ответе А. А. Горелова — при умолчаниях о главном — вынуждает резюмировать здесь материал рецензии. Около тысячи текстологических дефектов двух книг «Былины Печоры» (далее — БП) — это далеко не только искажения или пропуски отдельных слов и букв, опущения или искажения частей фраз и отдельных словосочетаний, ошибки в указании паспортизации текстов, сокрытие посторонней правки в рукописных источниках и т. п. Особенное внимание я обращал на крупные отступления от оригиналов.

К таковым отношу пропуски, значительные по протяженности. В общей сложности это 27 поэтических строк и 2 фразы в прозаических текстах былин. Перечислю их.

№ 32 — пропущена строка, читающаяся в машинописи Н. П. Колпаковой и в ее издании после строки 42.

№ 56 — пропущена фраза рукописи собирателя в прозаической строке 13.

№ 67 — пропущены 2 строки издания Н. П. Ончукова: одна — после строки 324, другая — после строки 349³.

№ 94 — пропущена строка рукописи собирателя после строки 86⁴.

№ 98 — пропущена фраза рукописи собирателя в прозаической строке 35.

№ 122 — пропущена читающаяся в полевой рукописи А. М. Астаховой неполно записанная строка после строки 8; далее пропущены находящиеся в той же рукописи 8 неполно записанных строк после строки 10.

№ 124 — пропущена строка, находящаяся и в полевой, и в перебеленной рукописях А. М. Астаховой, после строки 17.

№ 126 — пропущена строка рукописи Н. П. Леонтьева после строки 3.

№ 139 — пропущены 2 строки, читающиеся в полевой рукописи и в издании А. М. Астаховой после строки 529.

¹ См.: Азбелев С. Н. Неудавшееся начало многотомного издания (Былины Печоры / Подготовка текстов: В. И. Еремина, В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова. Отв. ред. А. А. Горелов. СПб., 2001. (Былины в 25 томах. Т. 1, П). 772+787 с.; илл.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2002. № 4. С. 82–98; Горелов А. А. А город строится... // Русская литература. СПб., 2003. № 4. С. 90–120. Далее отсылки к страницам даю в тексте.

² Шесть неточностей — в подстраничных цифрах: в сноске 6 третья цифра должна быть 25, а не 35; в сноске 19 седьмая цифра — 263, а не 203, девятая цифра — 218, а не 219; в сноске 61 седьмая цифра 190, а не 186; в сноске 64 девятая цифра 190, а не 196, в сноске 66 первая цифра — 250, а не 89. На странице 86 в строчках 6 и 7 сверху — опечатки в одной букве: должно быть «скрылася» и «скралася», а не «скрылся» и «скрался»; там же в последней строчке нарушен порядок слов: должно быть «детинкэ» вместо «детянкэ». На странице 93 в пятом абзаце мое верное указание на два пропуска целых строк в тексте 67 должно в первом случае иллюстрироваться цитатой «Да какого ты моря, коя города» (была процитирована не эта строка, а близкая по тексту следующая).

³ А. А. Горелов, умалчивая о втором пропуске, делает вид, что он оспорил первый (С. 101), хотя и в первом случае строка составителями БП все же пропущена (см. выше окончание сноски 2).

⁴ А. А. Горелов это отрицает, не посмотрев рукопись (С. 101). Приведенная мной фраза «Сокольнику эти слова не понравились» читается в ней дважды (см.: Кабинет фольклора МГУ. ФЭ — 11:9903–9904). Первый раз она завершает часть текста, переданную стихами. Такой же фразой начинается последующий текст, записанный прозой. В издании БП напечатан только этот повтор.

№ 182 — при передаче рукописи Н. П. Леонтьева пропущена строка после строки 118; далее здесь же пропущены подряд 8 строк после строки 141.

№ 193 — пропущена строка рукописи Н. П. Леонтьева после строки 66.

Не менее значимые искажения источников — это добавления в издании БП того, что отсутствует в рукописях, с которых печатались тексты былин. Такие добавления составляют в сумме 25 строк.

№ 141 — добавлены 13 строк; отсутствующие в рукописи Н. П. Леонтьева строки 65–67 и 147–156 взяты составителями БП из его изданий: первая группа строк оказалась присочинена им в сборнике 1939 г., вторая — в сборнике 1979 г. Оба эти издания составители БП во вступительной статье называют ненаучными и пишут, что между рукописями Леонтьева и публикациями в названных его сборниках «наблюдается целый ряд текстологических несоответствий» (БП. Т. 1. С. 113, 114). Фиксация наличия несоответствий не помешала тем же составителям включить в свое издание не соответствовавшие рукописи 13 строк без каких-либо оговорок в комментарии и без обозначений в корпусе текстов.

№ 156 — текст строк 103–110 повторено в строках 111–117⁵.

№ 171 — строка 6 была зачеркнута в полевой рукописи А. М. Астаховой, отсутствует в ее белой рукописи и в ее издании. В БП эта строка неоправданно повторяет текст напечатанной далее строки 8.

№ 182 — строки 19 и 22 отсутствуют в рукописи Н. П. Леонтьева; они напечатаны по его сборнику 1979 года, о чем составители своего читателя уведомляют, но — без какого-либо обоснования.

№ 264 — строка 25 в рукописи Н. П. Леонтьева отсутствует; она представляет собой в БП необоснованный повтор находящейся выше строки 14.

Отвечая на мою рецензию, А. А. Горелов делает вид, будто оговоренные в ней крупные пропуски и добавления текста в БП не существуют: из только что перечисленных мною шестнадцати примеров этого он упомянул только три, попытавшись неубедительно их оспорить (см. выше сноски 3, 4 и 5). Между тем столь значительные изменения в БП исходных записей, какие обнаружились в текстах 141 и 182 (в первом случае — добавление тринадцати сочиненных строк, во втором — исключение девяти подлинных строк и добавление двух сочиненных), несомненно, вообще лишают названные тексты фольклористической достоверности. Но недостоверными оказались в БП и другие тексты — по иным причинам. О них в ответе А. А. Горелова конкретного разговора тоже нет. Он выражает только общее негативное отношение к моим суждениям.

По словам А. А. Горелова, «рецензентское щеголяние негативной этикеткой “фальсификат” грубо упрощает ситуацию работы живого творческого сознания сказителей и их отражение в практике изданий» (С. 114). Если отвлечься от грамматической несогласованности членов предложения и полемических красот, то следует, очевидно, понимать это так, что, по его мнению, я неправомерно называю фальсификатами публикации плодов живой творческой работы сказителей. Полемист, к сожалению, не называет при этом ни одного конкретного примера, поэтому я вынужден растолковывать ему, что именно я так называл в рецензии.

Это, во-первых, текст № 5 — переделка записанного в 1938 г. Н. П. Леонтьевым от В. П. Тайбарейского прозаического пересказа былины о смерти Святогора и передаче им силы Илье Муромцу. Текст занимает всего 15 строк, на их протяжении в БП оказалось 15 частных ошибок вследствие невнимательного копирования рукописи (в рецензии они перечислены). Но

⁵ А. А. Горелов назвал это «фокусом» компьютерной техники, проявлением «технико-полиграфического посткорректирного брака» (С. 116). Если так, то оказывается, что компьютер «фокусничал» троекратно: повторил 8 строк, затем снабдил текст, включая повтор, безошибочной сквозной нумерацией на поле всех строчек и наконец передвинул содержимое 123-х последующих страниц, дабы освободилось место для повторенного блока строк; все это происходило уже после финального чтения корректуры составителями и редактором. Не слишком ли он преувеличивает творческую активность компьютера?

более существенно, что изменен стилистический облик текста. Например, в рукописи было: «говорил Святогор: спустись-ко, Илья», в издании — «говорит Светогор Илье Муромцу: спустись ко мне, Илья»; в рукописи: «спустился Илья, лег», в издании — «спустился Илья со добра коня, лег в гроб»; в рукописи: «говорит Илья Святогору, — ты ложись», в издании — «говорит Илья, — теперь ты ложись». Перед нами явные факты литературной обработки, осуществленной параллельно с неряшливой передачей фольклорного текста. Более половины перечисленных особенностей присутствовали еще в машинописи Леонтьева. Но составители указали, что леонтьевские записи они публикуют «по рукописям», машинопись привлекают только «при отсутствии рукописного оригинала» (БП. Т. I. С. 153). Поэтому все отступления от рукописи — будь то ошибки или литературная обработка — на совести нынешних публикаторов. А им должна быть хорошо известна статья В. Я. Проппа, специально посвященная передаче фольклорных текстов, — в ней говорилось предельно четко: «Если литературная обработка произведена в современном сборнике, претендующем на научность, притом без оговорок, втихомолку, она должна квалифицироваться как подделка, фальсификация»⁶. Никаких оговорок при публикации этого текста в БП нет.

Как я уже упоминал, нельзя отнести к подлинным текстам и то, что напечатано под номером 141. Н. П. Леонтьев здесь предстает и как собиратель, и как писатель, двукратно уснастивший записанный им фольклорный материал вставками собственного сочинения. А составители БП — сборника, претендующего на научность — «без оговорок, втихомолку» (пользуюсь выражением В. Я. Проппа) поместили в нем леонтьевское произведение под видом подлинного фольклора.

Казалось бы, лучше обстоит дело в тексте № 182. Здесь леонтьевские привнесения в былинку тоже есть, но составителями обозначены. Однако для читателя остается тайной плод их собственной небрежности, приведшей к тому, что в былинке недостает целого эпизода, пропущенного при копировании архивной рукописи. Такое сочетание писательских привнесений и публикаторских утрат лишает напечатанный текст аутентичности.

Проигнорировав эти примеры, ясно оговоренные в рецензии, А. А. Горелов стремится все же оспорить употребление в ней термина «фальсификат».

По его мнению, «возможно с реставрационной целью внедрять в один исполненный текст-вариант произведения (как ему принадлежащие элементы, детали) элементы и частности другого текста-варианта того же произведения» (С. 114–115). Основание он усматривает в собирательской работе первой половины прошлого века, получившей отражение в некоторых текстах «Былин Севера» А. М. Астаховой.

Она, как известно, нередко записывала былинку от одного сказителя двукратно, затем в белой рукописи отмечала различия между записанными вариантами, при издании же брала за основу один из них, внося дополнения, а иногда и поправки из второго, что в иных случаях ею оговаривалось или отмечалось, в других случаях не оговаривалось и не отмечалось. Соотношение ее полевых записей, двуслойных и однослойных, с беловыми рукописями и с текстами, напечатанными в «Былинах Севера», было внимательно изучено, результаты изучения опубликованы⁷. В них нет ничего похожего на оправдание операции, о которой пишет А. А. Горелов. Напротив, речь идет о принципиальной недопустимости возрождения издательской практики, получившей реализацию в упомянутых особенностях «Былин Севера».

Т. Г. Иванова так резюмировала свои наблюдения над методикой А. М. Астаховой: «Естественно, что при таком методе фиксации старины мы имеем не одну, а две одновременные записи одной былины, т. е. два текста, соединять которые ни один собиратель неправомочен»⁸. В

⁶ Пропп В. Я. Текстологическое редактирование записей фольклора // Русский фольклор. М.; Л., 1956. Т. I. С. 206.

⁷ См.: Иванова Т. Г. Классические собрания былин в свете текстологии // Русская литература. Л., 1982. № 1. С. 135–148; Азбелев С. Н. О переиздании былин в записях А. М. Астаховой // Русский фольклор. Л., 1991. Т. 26. С. 39–53.

⁸ Иванова Т. Г. Классические собрания былин в свете текстологии. С. 145–146.

последовавшей теоретической статье она снова обратилась специально к вопросу, который теперь трактует А. А. Горелов, полемизируя, по-видимому, с ней, но не называя адресата полемики. Имея в виду конкретно записи А. М. Астаховой, Т. Г. Иванова настаивает, что текстолог обязан «дать читателю текст, наиболее близкий к звучащему в устах исполнителя», а для этого при обращении как к полевым, так и беловым рукописям собирателя, который записывал «сначала со слов, а затем правил полученный текст, слушая повторное пение сказителя», текстолог «обязан “расслоить” текст на два акта исполнения: продиктованный и спетый»⁹.

По словам Горелова, «в погоне за “расчлененными” вариантами» не следует «забывать», что «в сознании певцов вариативность устных произведений не противостояла их единственности» (С. 114). — Но кто это забывает? Фундаментом исследований фольклора и представлений о нем должен быть объективный материал реальных записей, а не плоды субъективного их препарирования.

Именно субъективное препарирование записанных вариантов имеет в виду А. А. Горелов, когда пробует «теоретически» оправдать «допустимость, иногда — необходимость осуществлять “целительное” перемещение частиц одной записи близкородственного текста в другую» (С. 115).

Выясняется, что это теоретизирование имеет конкретной целью оправдать присутствие в томах БП сводных текстов, причем даже основанных не на двуслойных записях А. М. Астаховой, а на совмещении разновременных фиксаций былин разными собирателями. Никаких объективных критериев в подобных операциях, естественно, быть не может, и А. А. Горелов пишет лишь о желательности «регистрации совершенных “латаний” при двукратной записи», признавая, однако, отсутствие «полноты» такой регистрации в БП (С. 115).

Приходится напоминать основные положения теоретических трудов по текстологии фольклора еще сорокалетней и тридцатилетней давности. В опубликованном тексте доклада на V Международном съезде славистов К. В. Чистов подчеркивал, что «следует решительно протестовать» против устаревшего представления «о “нормальном”, “среднем”, или “настоящем” тексте, к которому могут приближаться или от которого могут удаляться тексты отдельных вариантов»¹⁰. Говоря о работе собирателя над записанным материалом, К. В. Чистов отмечал, что важно установить, «каково было его отношение к варианту — считал ли он возможным вносить в запись какие-либо изменения на основе других известных ему вариантов или, что еще хуже, не стремился ли он на основе нескольких вариантов создать “средний” текст, казавшийся ему наиболее правильным, полным или архаичным, поэтичным и т. д.»¹¹.

В статье, напечатанной тогда же журналом «Русская литература», В. Н. Путилов писал: «Следует расценить как несостоятельные и научно необоснованные попытки отдельных ученых создать сводные полные тексты того или другого произведения народного творчества, опираясь на известные варианты», ибо это «задача чисто литературного порядка», а «к изучению и научному истолкованию фольклора, так же как и к научному изданию его, эта работа не может иметь никакого отношения» и «любой такой опыт может рассматриваться как искусственная реконструкция либо даже как фальсификация»¹².

Десять лет спустя эти вопросы рассматривались на специальной конференции, проведенной Текстологической комиссией Международного комитета славистов. Проанализировав предпринимавшиеся некоторыми фольклористами попытки создания сводных песенных и прозаических текстов на базе записанных вариантов, К. В. Чистов заключил: «Итак, современная фольклористическая текстология не сомневается в недопустимости подмены подлинных записей

⁹ Иванова Т. Г. Специфика фольклористической текстологии // Русский фольклор. Л., 1991. Т. 26. С. 19.

¹⁰ Чистов К. В. Современные проблемы текстологии фольклора. Доклад на заседании Энциклопедико-текстологической комиссии V Международного съезда славистов. М., 1963. С. 13.

¹¹ Там же. С. 24

¹² Путилов В. Н. Современная фольклористика и проблемы текстологии // Русская литература. Л., 1963. № 4. С. 108.

сводными текстами и реконструкциями. Нет никаких научных доводов, которые могли бы их обосновать и оправдать»¹³.

А. А. Горелов делает вид, что защитил составителей БП от рецензента, когда оправдывает наличие в издании А. М. Астаховой текстов, где записи спетых вариантов совмещались с записями сказанных. Но сами-то составители такие совмещенные тексты как раз расслаивали. Они печатали в корпусе спетый вариант, а в комментариях приводили отличия варианта сказанного. Так напечатаны в БП по рукописям А. М. Астаховой тексты № 42, 120, 121, 156, 157, 171, 187, 191, 256. Впрочем, разночтения давались не все, но излишне подробно: повторяли и слова, которые в обоих вариантах совпадают, так как комментаторы печатали полностью строки, имевшие различия. Допускались при этом ошибки, о чем я упомянул в рецензии на примере текста 171. Однако факт последовательного расслоения сводных текстов А. М. Астаховой как общее правило, принятое составителями БП — вне сомнений. Это оговорено ими и при изложении принципов издания: «Публикуется спетый вариант с указанием в комментариях на двойной пласт записи» (БП. Т. I. С. 153).

Но есть одно исключение — былина № 155. Составители перепечатали сводный текст из издания А. М. Астаховой, не сообщив, что запись была двукратной, что полевая рукопись, соответственно, двуслойная, что в рукописи перебеленной отмечены различия между спетым вариантом и сказанным¹⁴.

Совмещение сказанного варианта со спетым у А. М. Астаховой было рядовым явлением принятого ею тогда способа издания своих записей. В нынешнем издании БП это факт, противостоящий даже оговоренному самими составителями способу издания ее записей и от читателей скрытый.

Иную соотношенность с материалом А. М. Астаховой имеет двадцатистрочный фрагмент, напечатанный в БП под номером 173. Сама собирательница не рассматривала его как полноценную фиксацию былины и в корпус своего издания не включила, а привела в комментарии к записи от другого сказителя, оговорив, что этот отрывок соответствует началу былины, записанной Н. Е. Ончуковым в 1901 от Д. К. Дуркина. По записи Ончукова А. М. Астахова восполнила пропуски своей записи, осуществленной от И. Г. Носова в 1929 г. Но в ее издании вставки не отмечены и не оговорены, наличие их можно обнаружить только при сопоставлении ее рукописей с ее изданием и с изданием записи Ончукова. Выявляли ли составители БП источник восполнений текста, они не сообщили, написав только в комментарии, что «угловыми скобками обозначены слова, внесенные А. М. Астаховой при публикации в «Былинах Севера»» (БП. Т. II. С. 449). Однако на самом деле ни скобок, ни иных обозначений ее вставок в корпусе БП нет. Таким образом, текст № 173 — это повтор неоговоренной реконструкции, выполненной А. М. Астаховой путем соединения записей, осуществленных от разных лиц разными собирателями и разделенных почти тридцатью годами. В издании БП реконструкция осталась нерасшифрованной, вопреки заявленному намерению составителей, и даже дополнительный источник ее не сообщен.

Печатать сегодня подобные материалы в ряду полноценных подлинных записей в академической серии я считаю вообще неправомерным, а сокрытие новейшими издателями «механизма» создания таких текстов, конечно, переводит их публикации в разряд фальсификатов.

¹³ Чистов К. В. Реконструкция текста и проблемы текстологии преданий // Текстология славянских литератур. Доклады конференции. Л., 1973. С. 155–156.

¹⁴ Никаких разночечий в комментарии БП не приведено, отмечено только колебание собирательницы относительно того, следует ли оставлять строку 50, которая в полевой записи повторяет находящуюся выше строку 39. Кроме нее составителями БП неправомерно заключены в прямые скобки отдельные слова в строках 11, 89, 93. Это повторы тех же слов в предшествовавших строках полевой рукописи, замененные в ней знаком повтора, который не был, очевидно, замечен составителями БП. К различиям между спетым и сказанным вариантами эти скобки отношения не имеют. Строки, бывшие только в сказанном варианте и отсутствовавшие в спетом, А. М. Астахова без каких-либо обозначений ввела в напечатанный ею текст былины.

К той же категории без сомнений следует отнести сводные тексты № 73 и № 189.

В тексте № 73 составители соединили чересполосно материал двух существенно различающихся рукописей Н. П. Леонтьева, вводя строки одной в текст другой и скрыв от читателей наличие иных расхождений между этими текстами.

Текст № 189 — монтаж из двух одновременных вариантов — записи филолога и записи музыковеда, не совпадающий в целом ни с одним из них, причем многочисленные отличия архивного текста от опубликованного не отмечены и не оговорены.

В моей рецензии оба примера были рассмотрены достаточно подробно, позволю себе здесь это рассмотрение уже не повторять, а отослать к ее страницам 90 и 91 (извинившись за не влияющую на аргументацию опечатку на с. 91: окончание текста № 189, публикуемое в БП только по рукописи, занимает не 32 строки, а 22).

Допустимый объем статьи заставляет по затронутым здесь вопросам ограничиться сказанным, хотя крупные текстологические дефекты издания БП далеко не исчерпываются наличием в нем больших пропусков, больших привнесений в печатаемый фольклорный материал и присутствием текстов фальсифицированных. Но относительно последних необходимо все же подвести итог для полной определенности.

Тексты № 5, 73, 141, 155, 173, 182 и 189 нельзя никак счесть аутентичными публикациями фольклорных оригиналов, а следует признать фальсификатами вследствие недопустимого их препарирования — при полном или частичном сокрытии его способов составителями БП. Это было показано в рецензии, но ни по одному из семи примеров моя аргументация А. А. Гореловым не рассмотрена — не говоря уже о попытке ее опровергнуть. Полемист ограничился констатацией своего негативного отношения к термину «фальсификат». Некоторые дополнительные обоснования его правомерности теперь мною приведены.

Теоретическая несостоятельность возражений А. А. Горелова видна при соотнесении их с давно установленными, подтвержденными и общепризнанными принципами фольклористической текстологии. Игнорирование этих принципов при подготовке издания БП лишило его научной достоверности, а их непонимание и упорство редактора в нежелании им следовать представляются по меньшей мере странными для руководителя академической серии.

Рассмотрение ответа А. А. Горелова на мою рецензию можно было бы на этом закончить, если бы полемист не демонстрировал еще и методическую ущербность в агрессивных попытках «оспорить» сотни конкретных замечаний рецензии.

Впрочем, конкретных возражений на замечания в статье очень немного: автор ответа заменяет конкретику риторикой, стараясь сконцентрировать ее вокруг редких случаев, когда цифровая опечатка в сноске рецензии позволяет создать видимость опровержения или когда мелкую неточность в цитате удастся использовать аналогичным образом.

Но есть примеры иного рода. Старательное поношение нескольких несуществующих промахов рецензии представлено на странице 101. Выше я упоминал несостоятельность отрицания полемистом пропуска составителями БП строки в тексте № 67 и несостоятельность отрицания пропуска строки в тексте № 94. Во втором случае А. А. Горелов просто не смотрел рукопись, а базировал свое рассуждение лишь на пересказывании комментария БП. Еще показательней тут другой пример спора с моей рецензией, который я позволю себе полностью процитировать: «если вам сообщают, что “в строке 30” текста 70-го “нет слова “много”, которое присутствует в полевой записи и в издании Астаховой, но было пропущено ею в белой копии и, соответственно, — в БП (“Былинах Печоры». — А. Г.)” (С. 85), откройте снова 2-й том, страницу 172, и вы убедитесь: из стиха 30-го слово “много” не пропадало: “Ах и много ли ты пьешь зелена вина”...»

На самом деле идет речь о тексте 216-м, а не о тексте 70-м. Но это можно отнести на счет опечаток. Более существенно другое: полемист, возражая мне, не посмотрел не только полевою

рукопись Астаховой, но даже ее издание. Там и тут читается одинаково: «Ах и много ли ты много пьешь зелена вина»¹⁵. В белой копии второго «много» нет, как нет его и на цитированной А. А. Гореловым странице 172 издания БП. Свое «возражение» полемист тут же развивает в сноске: «С помощью “фактографии” этого рода рецензент подбрасывает подозрение в добросовестности подхода публикаторов сводной серии былин к изданию: они, мол, “по-видимому, в основном использовали легко читаемые белые копии, а к полевым тетрадям обращались эпизодически...” (С. 84)». Приведенное здесь А. А. Гореловым высказывание моей рецензии основано на конкретных указаниях мною 70-ти повторов в БП ошибочных чтений белой копии, включая пропуск двух строк (о чем полемист, естественно, умолчал).

В другом месте он захотел оспорить мое указание на то, что множество отклонений от текста архивных оригиналов перешло в БП из предшествовавшей неточной публикации: в подтверждение этого я конкретно указал полторы сотни таких отклонений. Полемист сосредоточился на одном из них, попытавшись обосновать право собирательницы Н. П. Колпаковой на литературную обработку для издания своей полевой фиксации прозаического завершения былины Е. П. Чупровым (Текст № 81) и «право» составителей БП воспользоваться обработанным вариантом, ибо это был «личный текст» Колпаковой. Однако то, что фиксация была не дословной записью, а пересказом слов исполнителя, мало меняет дело. Составители обязаны были, следуя ими же декларированным правилам, публиковать «текст архивного хранения» (БП. Т. I. С. 152), а не его измененную перепечатку, вопреки теперешним пространственным уверениям полемиста, усаждаемым в данном случае — как и в других — невежливыми выпадами (С. 106–107). Развязное многословие никогда не способствовало установлению истины; оно используется, как правило, для ее затемнения. А. А. Горелов это общее правило подтвердил, насыщая три десятка страниц демонстрациями своего неуважения к рецензенту и к журналу, напечатавшему рецензию.

Многословными рассуждениями с не имеющими отношения к делу нагромождениями цитат (С. 101–105) полемист попытался завуалировать отмеченные в моей рецензии особенно удивительные, хотя и «некрупные» ошибки составителей БП.

Н. Е. Ончуков записал: «Резань да свободой слыла», — так напечатано в его сборнике (рукопись не сохранилась); в корпусе БП напечатали «слободой» (№ 10), перенеся необоснованную «поправку» из антологии, источником которой был сборник Ончукова. В комментарии БП она названа как источник, равноправный сборнику Ончукова, причем обоснование «поправки» здесь тоже не дается. А слово «свободой» приведено в комментарии как «разнотчение» сборника Ончукова. Комментируя все другие тексты, разнотчениями составители БП называли текстовые отличия от исходного источника. В данном случае — наоборот. По словарям ясно видно, что из употреблявшихся синонимично как обозначение поселения слов «свобода» и «слобода» первое — термин более архаичный. В БП это игнорируется, и соответствующего пояснения нет. Главная ошибка БП в том, что на месте первоисточника оказался плод его безосновательного упрощения.

Полемист делает вид, будто он не понял смысла моих замечаний, и приписывает мне манипулирование словарями с целью возвести напраслину на составителей БП. Надо было всего лишь признать вполне очевидные ошибки — вместо претензий на остроумие.

Увертки и ёрничество по мелочам не могут, конечно, заменить отсутствующий в статье А. А. Горелова ответ на основные замечания рецензии. Не могут его заменить и «отвлекающие маневры» — прослаивающие статью нападки на издания, подготовленные мною и не имеющие отношения к БП. Но эти примеры помогают прояснить методику полемиста.

¹⁵ См.: Рукописный отдел ИРЛИ. Разряд V. Коллекция б. Папка 8. тетрадь 10. Л. 14 об.; Былины Севера / Записи, вступительная статья и комментарии А. М. Астаховой. М.; Л., 1938. Т. I. С. 374.

«Ударным» приемом, вероятно, представился ему поиск в недавно вышедшем моем издании записей А. В. Маркова¹⁶ ошибок, аналогичных тем, какие отмечены мною в БП. Напомнив, что я напечатал «445 произведений» и грозя в будущем отыскать множество дефектов при сопоставлении их с рукописями, А. А. Горелов пока занялся сверкой того, что было взято мной из печатных источников. Взято из них немало — более 24 тысяч строк. Подытоживая свой труд, полемист пишет, что «общий счет отступлений от текстов дает трехзначное число» (С. 118). Однако даваемое тут же скрупулезное их перечисление представило только 26 мелких опечаток, включая несколько знаков препинания.

Скромность этого результата, не идущего ни в какое сравнение с тем, что обнаружилось при сверке БП, А. А. Горелов попытался компенсировать обращением к комментариям, в которые я включил и примечания А. В. Маркова. Назвав Маркова «именитым, талантливейшим собирателем» и «настоящим филологом» (С. 117), полемист на следующих страницах постарался отказать ему в этих качествах, дабы с помощью дискредитации А. В. Маркова уязвить подготовившего издание его материалов рецензента. Оказывается, Марков, комментируя свою запись обрядовой песни (№ 345), «сочинил наскоро явившееся ложное толкование», а Азбелев «воспроизвел его», «не улавливая», что толковать надо иначе — так, как хочется теперь А. А. Горелову (С. 119). По Горелову, а не по Маркову следует, оказывается, толковать и некоторые строки в записанном Марковым от Г. Л. Крюкова варианте песни о Кострюке (№ 85), где речь идет о поездке Ивана Грозного за невестой и возвращении его в Москву: «Он здравосцал да греди черныя, / Он здравосцал да лесы темныя, / Он здравосцал да речки быстрия / Он здравосцал да в прокляту Литву» — и о его возвращении: «Он здраво проехал греди черныя, / Он здраво проехал лесы темныя, / Он проехал речки быстрия, / Он здраво приехал во матушку да во камянну Москву». Марков, комментируя «здравосцал», указывал: «По объяснению Крюкова — проехал». Казалось бы, правомочно толковать искаженное слово как смысловой аналог «здравствовал», что и предложил Марков, опираясь на параллельный текст у Кирши Данилова¹⁷. Горелов настаивает на толковании «здорово стал» (120), цитируя вариант М. Д. Кривополеновой, где читается так, но не учитывая смысл текста, в котором речь идет о передвижениях, а не об остановках. В других вариантах песни нет неувязки, и в соответствии с общим смыслом только окончание пути обозначается словом «стал».¹⁸

Спустя почти 20 лет А. А. Горелов взялся оспаривать позитивные суждения Д. С. Лихачева о моей антологии былин¹⁹, хотя при жизни названного автора потребность ему возражать у полемиста, по-видимому, не возникала. Высказываясь теперь пренебрежительно об этой рецензии и о передаче некоторых текстов в рецензированной книге, А. А. Горелов забывает упомянуть, кто издал материал, перепечатанный мной тогда из академической публикации Сборника Кирши Данилова. Присутствие в одной из былин строки «Азделу-татарину достанешься» полемист счел «анекдотическим»: по его словам, «никакого Аздела-татарина в былине не было и в помине» — было «а з делу» (С. 97–98). Упрек не по адресу: в источнике, который я использовал,

¹⁶ См.: Беломорские старины и духовные стихи. Собрание А. В. Маркова / Издание подготовили С. Н. Азбелев, Ю. И. Марченко. Ответственный редактор Т. Г. Иванова. СПб., 2002 (Ю. И. Марченко участвовал в издании как музыковед).

¹⁷ Там же. С. 375–376, 796.

¹⁸ «Он отгуль и поход уцинил / Да он за полё чистоё, / Да он за морё синее, / Да он за реки быстрые. / Ишше здраво стал царь, / Государь у Кострюка». О возвращении: «Он отгуль и поход уцинил, / Он и за реки быстрия, / Да он за морё синее, / Цо за полё чистоё. / Да ешше здраво стал царь, / Государь Иван Васильевич, / Во своей каменной Москвы». Иной вариант: «Царь Иван сударь Васильевич, / Покатился в прокляту Литву, / Он по Марью Темрюковну. / Прикатился в прокляту Литву, / Здраво стал он в проклятой Литвы» (Исторические песни XIII–XVI веков / Издание подготовили Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М., Л., 1960. С. 137–139). Смысл испорченных строчек Крюкова естественнее всего понимать как «здорово шел» — в соответствии с объяснением исполнителя и с дальнейшими строками его варианта, в котором оба раза имеется в виду именно движение.

¹⁹ См.: Былины / Подготовка текстов, вступительная статья и примечания С. Н. Азбелева. Л., 1984; Лихачев Д. С. Библиотека народной поэзии // Огонек. М., 1985. № 7. С. 27.

напечатано «Азделу». Готовившая текст к изданию вместе с Б. Н. Путиловым крупнейший специалист по языку былин А. П. Евгеньева детально оговорила в комментарии, какие задачи и как ими решались: «<...> возможно более облегчить восприятие текстов, данных в Сборнике <...> со слитным написанием служебных слов <...>. Предлоги, частицы, союзы, написанные в рукописи слитно с другими словами, пишутся раздельно <...>»²⁰. Весьма серьезно подошедшие, как видим, к решению текстологических задач, публикаторы не сочли нужным производить в этом случае операцию, задиристо требуемую от меня полемистом²¹.

Видимо, всерьез считающий себя отчасти языковедом, А. А. Горелов с такой же запальчивостью отрицает существование некоторых слов, которые реально присутствуют в диалектной передаче напечатанных мною былин из Русского Устья²². Они не вызывали сомнений ни у соредактора издания — достаточно известного лингвиста Н. А. Мещерского, ни у рецензента — специалиста по говору русского населения нижней Индигирки М. Ф. Дружининой, участвовавшей в подготовке книги и лингвистической статье. Потребность обвинить меня в приверженности «к плоскому фотографизму» родилась у полемиста через 17 лет при ответе на мою теперешнюю рецензию (99). Но нет причин отвергать и сегодняшнюю квалифицированную оценку профессиональных лингвистов. В ходе подготовки Словаря русского фольклора они опубликовали Словник былин Русского Устья, отметив, что научное значение этого материала «бесценно». Здесь напечатаны все слова, которые А. А. Горелов захотел объявить «несуществующими»: белозмеище, белозмеищевый, белосапожки, белостороночка, изгульчатый²³.

Самовлюбленность побуждает преувеличивать значение собственных суждений. Декларируя «тревогу» по поводу «удручающих публикаций С. Н. Азбелева», А. А. Горелов старательно перечислил свои недавние эскапады по моему адресу (С. 97) — не обнаруживая знакомства с моими ответами и моими оценками его публикаций²⁴. Преувеличивает полемист и значение своих личных заметок двадцатилетней давности. Он счел их достойными обстоятельного цитирования в статье — «в связи с тем, что официальный протокол обсуждения «Былин Печоры» 1984 года затерялся» (С. 96).

²⁰ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Второе дополненное издание подготовили А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М., 1977. С. 425. Ср. С. 285 (текст по рукописи) и с. 113 (текст с разбивкой на стихи): в обоих случаях — «Азделу».

²¹ При жизни Б. Н. Путилова А. А. Горелов превозносил «эталонный уровень» их издания, найдя, что в нем — «точное воспроизведение исходных текстов-оригиналов, продуманность и последовательная выдержанность эдических решений», и похвалил «подлинное понимание элементов текста (лексики, фразеологии, грамматических ситуаций)»; как это совместить с теперешним поношением взятого именно оттуда «пресловутого «Аздеда-татарина» (98)? (См.: Горелов А. А. Критические заметки по текстологии исторических песен, баллад и былин // Русский фольклор. Л., 1991. Т. 26. С. 87).

²² См.: Фольклор Русского Устья / Ответственные редакторы С. Н. Азбелев, Н. А. Мещерский. (Памятники русского фольклора. Редакционная коллегия: С. Н. Азбелев, А. А. Горелов, Л. И. Емельянов). Л., 1986. С. 219, 231, 236.

²³ См.: Желудева Е. В. Словник былин Русского Устья // Фольклорная лексикография / ответственный редактор А. Т. Хроленко. Курск, 1995. Вып. 4. С. 38–47. Полемисту вообще не везет с его обращением к былинам этого анклава. Не имея возможности оспорить мое указание на корову, обвешую свининой, у составителей БП под его редакцией, А. А. Горелов понадеялся смягчить прискорбность этого факта, обнаружив «лебедино кость» в напечатанной мною былине Русского Устья (С. 116). Но невнимательное чтение подвело его и на этот раз. В русскоустьинской былине идут подряд два эпизода: сначала рассказывается о собаке, которая грызла «лебедино кость», а затем о корове, которая хлебала помой; одна строчка первого эпизода ошибочным повтором вклинилась в текст второго, что нарушает параллелизм и логику изложения. Ошибка объясняется условиями заполярного быта: содержать коров здесь не было принято, зато почти в каждом хозяйстве находились ездовые собаки. См.: Фольклор Русского Устья. С. 224, строки 57–72: строка 70 повторяет строку 62.

²⁴ Ср., например: Азбелев С. Н. О недостоверных текстах и недостоверных сведениях в академическом издании частушек // Вопросы литературы. М., 1989. № 3. С. 255–260; Он же. «Инварианты» практической текстологии // Русский фольклор. СПб., 1993. Т. 27. С. 197–199, 202–204; Он же. Ранний фольклор о Ермаке Тимофеевиче и его предшественниках-казаках в соотношении с письменными историческими источниками // Русский фольклор. СПб., 1999. Т. 30. С. 115; Он же. Русские исторические песни // Исторические песни / Составление, вступительная статья, подготовка текстов и комментарии С. Н. Азбелева. М., 2001. С. 18–24; Он же. Попытка реанимировать устарелую мифологему // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2001. № 4. С. 115–120.

Жаль, конечно, что затерялся основной экземпляр протокола, который следовало официально оформить для хранения в делах Научного совета по фольклору. Но есть копийные экземпляры его машинописного текста. У меня находится экземпляр, полученный в октябре 1984 года от тогдашнего ученого секретаря Научного совета. В протоколе 29 страниц, он содержит фиксации выступлений всех двадцати участников обсуждения, текст оглашенного там письма академика Б. А. Рыбакова, реплики, повторные высказывания, устные справки, вопросы, ответы докладчика и выступавших, заключение председателя Научного совета. Думаю, что для истории науки было бы бесполезно этот материал опубликовать полностью.

Из него, в частности, видно, что ни один былиновед не стал участвовать под руководством А. А. Горелова в текстологической подготовке «Былин Печоры», а организация работы над ними и сама представленная тогда рукопись подверглись суровой критике. Приведу только последние фразы из последнего выступления старейшего участника обсуждения — многолетней руководительницы изданий академической серии «Эпос народов СССР» Арфо Аветисовны Петросян: «Работа над сводом в Институте русской литературы организована плохо. Руководитель этой работы А. А. Горелов проявил полную расхлябанность, полное неумение сплотить лучшие кадры, полную самовлюбленность»²⁵.

²⁵ Фольклорный архив Кафедры русского народного творчества МГУ. Фонд № 3. Ед. хр. 1. Л. 27.